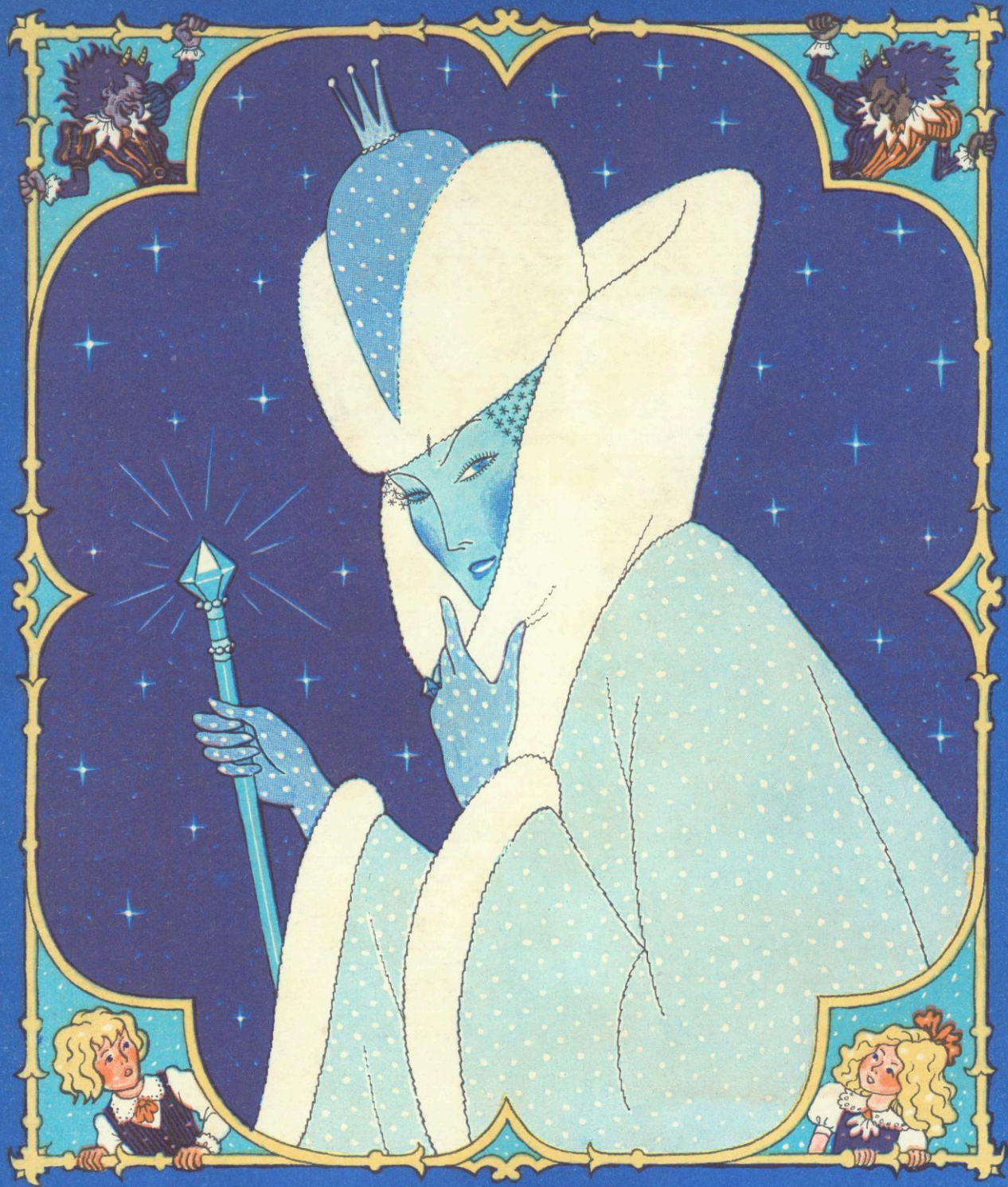

Ц(8ат)
ММ
А.65

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Ганс Христиан Андерсен

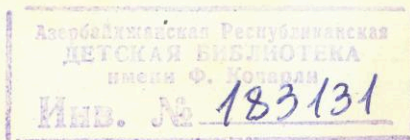
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

СКАЗКА В СЕМИ ИСТОРИЯХ

* * *

ПЕРЕВОД С ДАТСКОГО А. ГАНЗЕН

ХУДОЖНИК В. М. МИХАЙЛОВ

Сыктывкар

Коми книжное издательство

1985

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба.

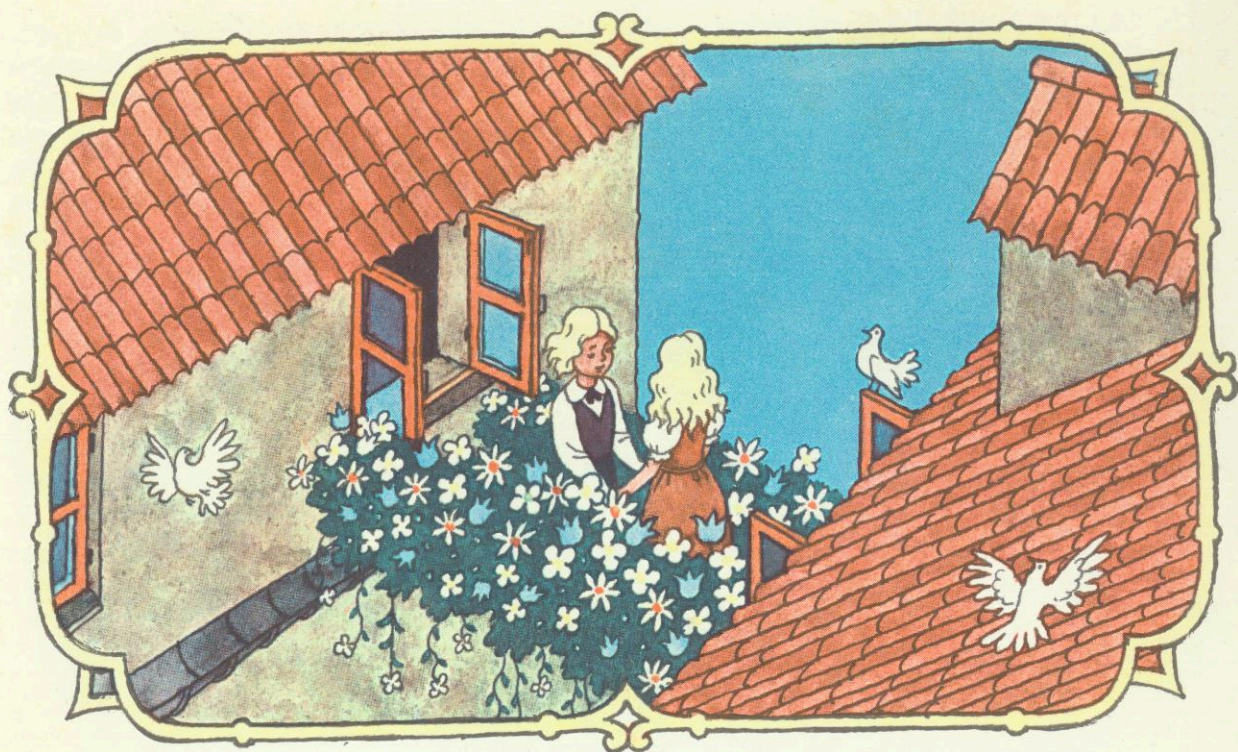
Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллио-

ны, миллиарды и ещё гораздо больше его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случилось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до коллик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало ещё много осколков зеркала. Послушаем же!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, под выступами кровель шёл водосточный жёлоб, и туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперёк жёлобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим

стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стёкла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это суцая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя её испуг, сорвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят, рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к её словам. А потом... дошёл и до того, что крался за ней, передразнивая её походку, стал надевать очки, подражать её голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже маленькую миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то, укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и каналы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых

куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Как показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он прежде всего о санках.

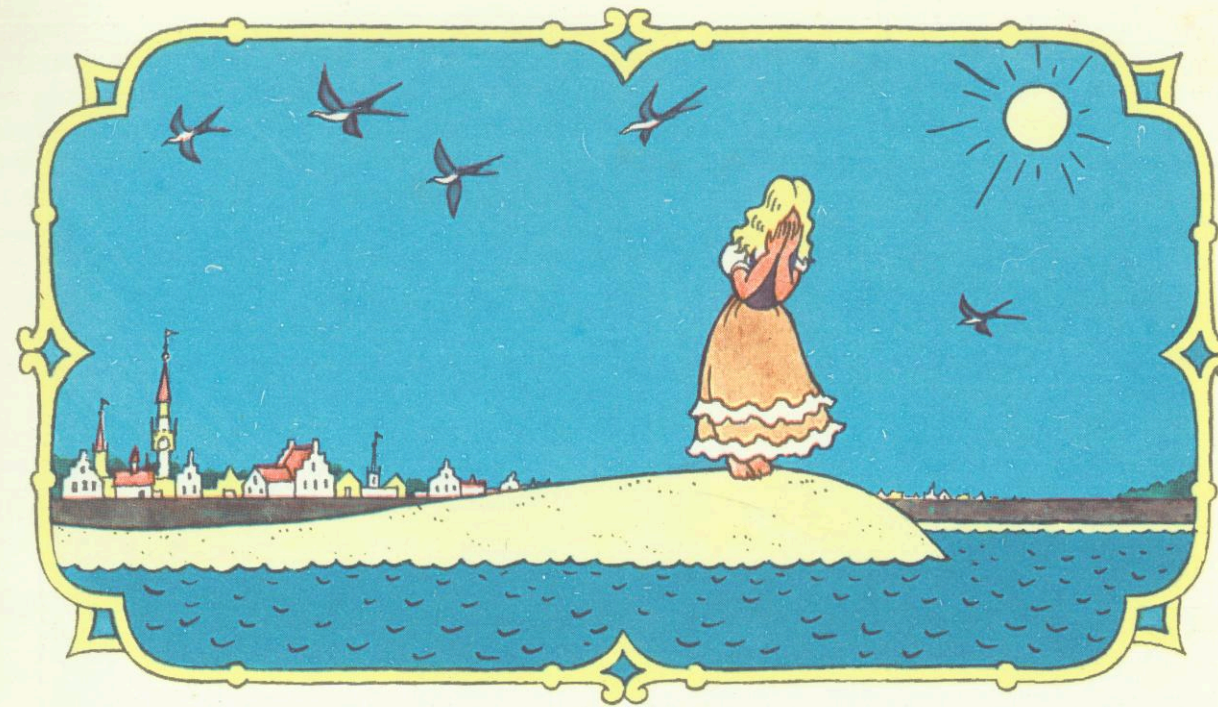
И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днём он спал у ног Снежной королевы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчишки рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большому великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю!» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором уютился домик с красными и синими стёклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку, да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чём горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их, сколько душе угодно. Пока же она ела,

старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла её стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала, искала, да так их и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!... Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землёю, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их выслушала Герда, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травки выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкавшие на солнце, словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею.

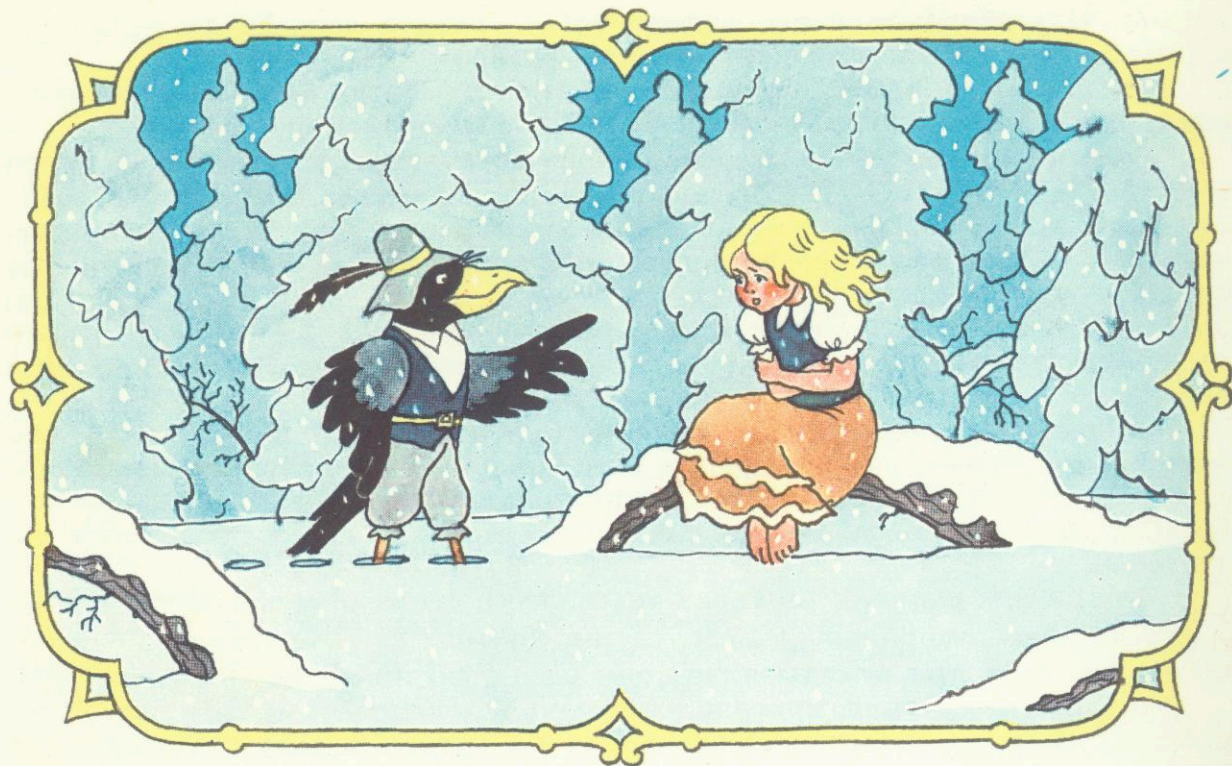
Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головой, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видел ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда?— воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы?— спросила Герда.

— А вот послушай,— сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили,— сказала Герда.

— Ну ничего,— сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что сам знал:

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла,— вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» — «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать,— это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона,— от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобой. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию, всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот и до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай?— спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка,— продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Очень возможно,— сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося

золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это наверно Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, она ясно видела, как он улыбался ей, когда они бывало сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узна-

ет, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темнорусый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!», закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да

поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадью и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов — ей дали и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжёлое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо. — Ах ты, дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь, как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и стояла на своём — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую и тёплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и воробьи. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выхода. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина-башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты ешь с ножом? — спросила её Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но Расскажи мне ещё раз о Кая и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — там ведь вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи же смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погода, она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её ради осторожности и даже подsunула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери,

они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

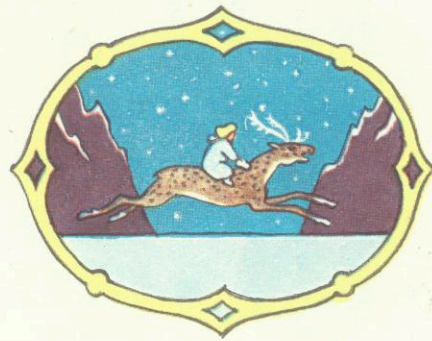
— Ну, живо! Да береги смотри девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

Уф! Уф! — слышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы

чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жиле! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы чересчур жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина, — сказал олень. — Не изготовишь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живёт в её сердце; её сила в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд, что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк

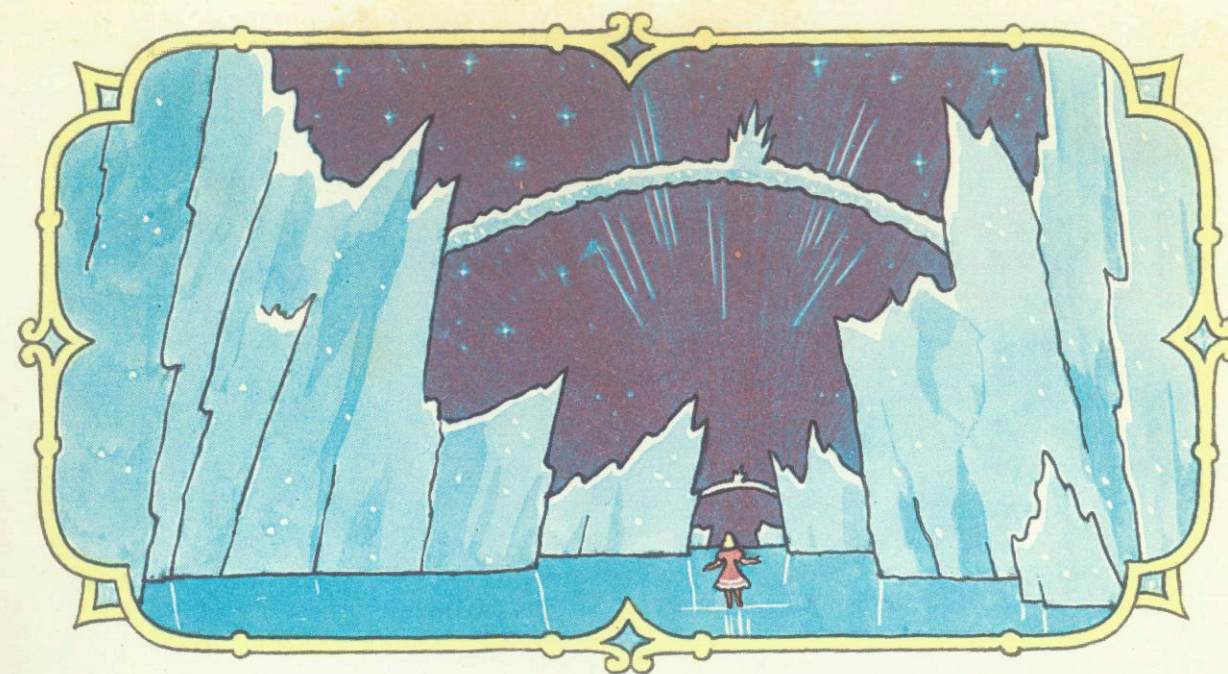
снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нём пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Но Герда смело шла всё вперёд и вперёд и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички, — нет, никогда, никого! Холодно, пустынно, мёртво и грандиозно!

Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет.

Посреди самой большой, пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самоё сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроко-

нечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайской головоломкой». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигурки были чудом искусства, а складывание их — занятием перво-степенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это-то время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули.

Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

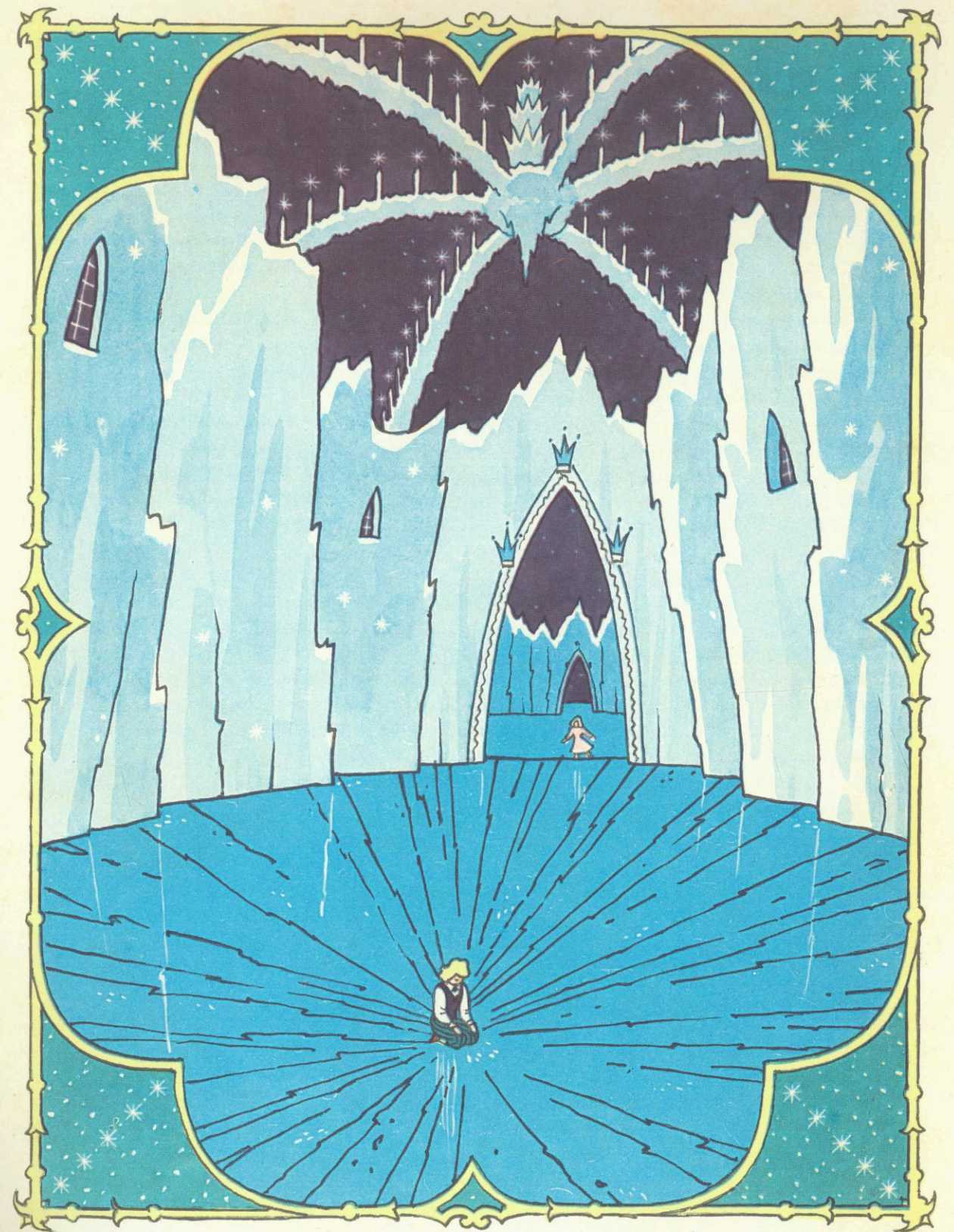
Герда поцеловала Кая в обе щёки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблестали, как её, поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке с пистолетами за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город. Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города.

Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так», и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми.

Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжёлый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

СОДЕРЖАНИЕ

История первая, в которой говорится
о зеркале и его осколках — 2

История вторая. Мальчик и девочка — 4

История третья. Цветник женщины, умевшей колдовать — 9

История четвертая. Принц и принцесса — 14

История пятая. Маленькая разбойница — 20

История шестая. Лапландка и финка — 26

История седьмая. Что случилось в чертогах
Снежной королевы и что случилось потом — 29

Для младшего школьного возраста

Андерсен Ханс Христиан

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Редактор *Т. Н. Чукичева*. Художественный редактор *В. Б. Осипов*.
Технический редактор *А. Н. Вишнева*. Корректор *А. А. Надуткина*.

ИБ № 870

Сдано в набор 26.07.84. Подписано к печати 24.05.85. Формат 60×90¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0;
усл. кр.-отт. 17,25; уч.-изд. л. 2,61. Тираж 150000. Заказ № 4629. Цена 20 коп.
Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Республиканская типография Государственного комитета Коми АССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.